

«Комсомолия» Телингатера / Безыменского: Шедевр конструктивизма и запрещенный бестселлер. Репринтное издание. Комментарии и исследования. Сост. М. С. Карасик и А. А. Россомахин. — СПб.: Издательство Европейского университета в Санкт-Петербурге, 2018. — 128 с.: ил. — (Репринт книги 1928 года).

В 1928 году к 10-летию комсомола художник Соломон Телингатер осуществил издание знаменитой поэмы Александра Безыменского, популярнейшего комсомольского поэта 20-х годов. Первая крупная работа художника, книга «Комсомолия», стала шедевром конструктивистской книги. Сложная структура поэмы, включавшая разные поэтические формы: акrostих, песню, частушку, речевку, рифмованный лозунг, давала возможность использовать весь арсенал новейших стилистических типографских приемов. Телингатер повторил в графике принцип поэтического микста, в котором написано само произведение. Он использовал рисунки-пиктограммы, фотографии, шрифты разных цветов и размеров, асимметричную верстку текста, при которой строчки то двигались по горизонтали, то разбегались по диагонали, то приобретали волнообразное движение. Изобразительная форма отвечала тем видам литературы, которые выдвигала современность. Оба, и Александр Безыменский (1898—1973), «сын революции, Октябrevич» по определению Л. Троцкого, и Соломон Телингатер (1903—1969), кто «начал свой путь как комсомолец, с комсомольским огнем и задором», работали над книгой по призыву сердца. «Из нас бы каждый сердце вынул / или с радостью хоть год корпел, / чтоб только быть достойным сыном / огромной мамы — РКП!». Они принадлежали к поколению, которому были присущи вера, искренность, максимализм. Для Телингатера возможность оформить большую поэму Безыменского к 10-летней годовщине комсомола была как подарок судьбы. В поэме Безыменский дал широкую эпическую картину жизни комсомола в дни Гражданской войны: подавление кулацких бунтов, продотряды, клуб и райком, товарищеская проработка, шефство, работа, борьба с безграмотностью, фронт. «Нынче Ваньки, / позавчера еще / избитые в доску, / палят горящие глаза и папироску. / — „Едем к победе!“ / Это бойцы. / Рядом отцы. / Не стирают объята, / а разбивают проклятья о каблуки / влезających / в вагон». Подлинные детали повседневности: чудовищный и голодный быт, хаос, ожесточение Гражданской войны и тяга к знаниям, чтение Каутского, Бебеля и Энгельса. «Между страницами, / может, / убьют. / Что ж? / Не докончу — / кончит другой, / Голосом звонче, / тверже рукой». Тираж десяти изданий «Комсомолии» с 1924-го по 1934 год (в разных вариантах оформления) составил около четырехсот тысяч. Со второй половины 1930-х годов книга попала в список запрещенных и уничтожалась, как и тысячи других книг. Причина — предисловия Л. Троцкого к изданиям 1924 и 1927 годов. И хотя в 1928 году предисловия уже не будет, это не спасет книгу от черных списков и спецхрана. А в 1937 году в «Литературной газете» появилась статья, где указывалось на близость поэта к Троцкому в 1923 году. Поэта исключили из партии, но вскоре восстановили. К читателю «Комсомолия» вернулась только в 1948 году, но сам автор сократил текст почти на сорок процентов: уничтожил многие живые следы эпохи, упоминания Ленина или партийных органов в сниженном бытовом антураже, «крамольные» строки. «ЦеКа играет человеком. / Оно изменчиво всегда. / То вознесет его высоко, / То бросит в бездну без стыда». До 1987 года все издания поэмы, где упоминалось имя Троцкого, оставались под запретом. И все-

таки оба — и поэт, и художник — вписались в новую реальность, чутко прислушиваясь к «линии партии», остались востребованными на идеологическом фронте. В данном издании два тома. В первом — репринтное воспроизведение уникальной книги, во втором — статьи и комментарии, содержащие десятки иллюстраций, архивные материалы, воспоминания, профессиональный филологический и искусствоведческий анализ. Подробно освещены биографии создателей книги, их творческие судьбы и судьба самой книги, история отечественной книжной графики 20-х годов, приемы оформления и конструирования книги, используемые Телингатером в «Комсомолии», рассказывается о предшественниках конструктивизма и соратниках Телингатера, его единомышленниках и последователях. В приложениях — предисловия Л. Троцкого к произведениям А. Безыменского, статья С. Телингатера о полиграфическом искусстве в СССР. В исследовательских статьях подчеркивается, что работа Телингатера интереснее самого текста. И даже в выходных данных фамилия художника стоит перед фамилией поэта. Но интересен и текст: это не официальный и не вернопопданнический лубок, а взволнованный голос романтика и энтузиаста, искренне верящего, что «рабочий сквозь горы бед / завтра знаменами мир измерит, / и / не будет Европ и Америк, / будет лишь коммунизм, свет. / Это — завтра... / нынче же — танки». Поэтический бестселлер 20-х годов, текст, который после 1929 года впервые публикуется в первоначальном виде, — это выразительнейший документ эпохи о полуграмотной молодежи, что «грядущее ковали / величем / незаметных дней» и не догадывавшейся, во что это выльется. А эффектный неологизм Безыменского, «комсомолия», вошел в жизнь и породил подражания.

Кир Шаманов. Дурные дети перестройки. СПб.: Питер Мейл, 2018. — 256 с.: ил.

Ким Шаманов родился в 1975 году. Его детство и юность пришлись на шальные годы перестройки. Озорной мальчишка из не очень благополучной семьи не вписывался в общепринятые стандарты, уже дававшие сбои. Не сразу приняли в октябрята и пионеры, со скрипом приняв в пионеры в четвертом, в шестом классе из пионеров его «попросили». Свою роль сыграл и указ 1988 года о необязательности среднего образования, что позволял выгонять из школы до окончания восьмого класса на улицу, а не в подростковую колонию. Неудачным стал и опыт учебы в ПТУ, и работы на заводе, откуда отчислили за прогулы. Отмененная статья за тунеядство позволила безнаказанно предаваться ничегонеделанию: накурившись с друзьями наркотиков, сидеть целыми днями на скамейках, оттачивая свое остроумие на знакомых, глумиться на танцплощадке в парке Челюскинцев над стариками, во дворе психиатрической больницы имени Скворцова-Степанова — над ее обитателями, в магазинах — над изделиями советской промышленности. А еще — пускаться с бесчисленными друзьями и подружками во всевозможные авантюры, главная цель которых — достать наркотик, употребить, испытать невиданные ощущения самому, увидеть, что происходит с другими. Путь в неизведанное был широко открыт: достать наркотик можно было и на крыше высотки, и на детской площадке, и на крыльце собственного дома. А еще — и мак на кладбище высадить. И жить сегодняшним днем, одной минутой, без планов на будущее. Жизнь, лишенная смыслов. Книга, сборник новелл о горьких судьбах наркоманов, основана на реальных событиях, на собственном опыте автора, переосмысляющего «романтику» проведенной в наркотическом угаре юности. Романтики как раз и не обнаруживается, а есть только страшное существование молодых людей между жизнью и смертью. Драки и разборки между «сотова-

рищами» в наркотическом опьянении; кражи книг из семейной библиотеки, сережек у матери, фамильных ценностей, уличные грабежи — на наркотики нужны деньги. Впечатляющие картины полного морального и физического разложения: истощение, исколотые вены, в которые уже не попасть, гниющие зубы, грязные волосы, прыщички и струпья на коже. У каждого из друзей и подружек рассказчика — а повествование ведется от первого лица — свой собственный ад, вырваться из которого они не в состоянии. И закономерный конец: тюрьма, психушка, смерть от передозировки, суициды. В наркотических сетях гибнут не только дети из неблагополучных семей, но и изнеженные детки материально обеспеченных родителей. Автор задается вопросом: зачем люди подсаживаются на наркотики? «Особенно внутривенные. Ведь все знают, что это опасно, но как-то умудряются себя убедить в необходимости вколоть себе металлической иглой что-то неведомое внутрь, ожидая непонятно чего, а еще частенько заведомо считают — то, что с ними случится, круто». Общая мода? Желание быть, как все? Попробовать в жизни все? Испытать себя взрослыми искушениями? Случайность? Или влияла сама атмосфера погруженной в тотальный хаос страны, где наркотики стали закономерной частью перестроечного эксперимента? Искусствовед Д. Озерков в предисловии пишет: «Прозу Шаманова и воспроизводимые ею художественные контексты я воспринимаю как буквальные рассказы о страшном абсурдизме тех дней. Для меня это реальные истории, подвергшиеся естественному отбору и минимальной литературной обработке. ...Мне больно читать эту книгу, потому что она — про мое поколение, которое не уберегла моя страна. И когда мне смешно — это смех сквозь слезы. „Дурные дети Перестройки“ — это документ эпохи. А лишенный вымысла текст документа зачастую гораздо пронзительней любой художественной литературы». Надо отдать должное, К. Шаманов мастерски воссоздает бытовые реалии и атмосферу 80–90-х годов, он очень точен в привязке к местности (в основном действие — Петроградская сторона Ленинграда—Петербурга), ему не надо выдумывать сюжеты и диалоги — сама жизнь сотворила их. Свою книгу автор предлагает рассматривать как антипропаганду наркотиков. Истериками, насилием, угрозами, Уголовным кодексом разрушению моды на «кайф» и «цивилизацию потребления», считает он, не поможешь. И уверен, что после прочтения его книги у читателя возникнет стойкое отвращение к наркотикам. Ведь все «удовольствия» от «кайфа» кончаются разрушением человека, его гибелью. Это тем более убедительно, что Шаманов сам долго был наркозависимым, из-за чего потерял много друзей, эта книга — своеобразный их мартиролог. У книги есть ограничитель — восемнадцать лет. Причина — ненормативная лексика, злоупотребление же специфическим сленгом слишком навязчиво. А читать ее — как предостережение — следовало бы и тем, кому восемнадцати нет. Кроме того, в этой книге есть и история того, как самому автору удалось найти в себе силы и покончить, пусть и не сразу, с наркотиками. Книга дополнена авторскими иллюстрациями.

Томока Сибасаки. Весенний сад. Роман. Пер. с япон. Е. Струговой.

СПб.: Симпозиум, 2017. — 176 с.

Неспешное действие разворачиваются в «тихой заводи» рядом с бешено пульсирующим Токио. Островок в бурном городе, район, где можно заблудиться и с навигатором. Здесь «жили и испытанные временем здания, и новостройки, и элитное жилье, и заметно обветшавшие дома соседствовали, смешивались. Здесь были особняки известных людей, но при поиске жилья рядом можно было обнаружить квартирки, где даже не было ванны. В каждый дом были вложены идеи и устремления его созда-

теля, но район не выглядел единым целым». Старые здания сносили, и строили новые, жилые и нежилые, между ними оставалось множество пустующих пространств. И сразу выделялись пустующие дома, даже ухоженные и выглядевшие так, словно жильцы куда-то вышли. Дом из нескольких квартир, где живут герои романа, тоже предназначен под снос, на его месте планируется построить большой многоквартирный дом. В нем осталось только трое жильцов. Одинокий разведенный мужчина лет тридцати, бывший парикмахер, а ныне служащий в небольшой рекламной компании. Типичный представитель «офисного планктона», Торо ведет размеренную аккуратную жизнь, в которой ничего не происходит и вряд ли что-нибудь произойдет. По своему району он ходит разными маршрутами, пройдет с ним и читатель. Его соседки — пожилая ненавязчивая дама и художница Ниси, которая рисует комиксы для печатанных изданий и сайтов. Когда-то в юности ее очаровали снимки в фотоальбоме «Весенний сад», где были запечатлены двухэтажный голубой дом в окружении нескольких деревьев и его обитатели: выразительные детали декора фасада, комнаты, обставленные в японском стиле, садик, молодые, красивые мужчина и женщина. Когда-то именно эта счастливая пара, второстепенная актриса и продюсер рекламных роликов, и делали снимки. Теперь этот голубой дом Ниси может наблюдать из окна снимаемого жилища. Она одержима мечтой: попасть внутрь дома, сначала пустующего, а потом и вновь заселенного. Торо, который всегда старался избегать сиюминутных проблем, Торо, который «не то чтобы совсем был лишен любопытства, но считал: лучше, по возможности, жить без проблем, нежели напрягаться ради будущего счастья или событий, представляющих какой-то интерес», становится ее соучастником. Уже несколько лет у него не возникало желания кому-либо помогать, но он почувствовал, что просто обязан помочь Ниси. Полгода мир для них обоих вращается вокруг голубого дома: пустого и обитаемого, воображаемого и реального. Дом, построенный в европейском стиле, действительно красив: на воротах изящные металлические украшения — цветы, похожие на розы, витражные стекла с растительным орнаментом, с красными стрекозами, с узором из ирисов. Во внутреннее убранство внесло коррективы время. Ниси удалось проследить и судьбу когда-то счастливой пары. Вся книга проникнута поэтикой быта: мелкие события повседневной жизни, взаимные подарки соседей и сослуживцев — любое внимание требует благодарности, традиционные особенности общения, традиционные угощения, привозимые из разных уголков Японии, традиционные обычаи. В этой книге все зримо, осязаемо: дома, фотографии, одежда, запахи, звуки, вкусы. И тихое, несуетное течение времени, и значимость окружающего мира, среды обитания человека... У героев есть родные, близкие, сослуживцы, которые бывали и за границей — широкий мир открыт. Есть неизбежные житейские заботы, но важнее внешней суеты — чуткое внимание к своей среде обитания. Есть прошлое, в котором остались увлечения и бейсболом, и рок-музыкой. И проблемы, уходящие корнями в детство. Быть может, тяга героев к таинственному дому и вызвана тем, что детство их прошло в стандартных муниципальных квартирах многоквартирных домов, где всей семьей жить приходилось в одной комнате. И, как маленький Торо, мечтать, представляя себя на облаке, с которого можно увидеть мир внизу, и сохранить эту мечту во взрослом возрасте. Или, как маленькая Ниси, желать узнать, что чувствуешь, когда живешь в доме, где есть лестница и коридор, что за люди живут в таких домах, которые она видела только по телевизору или в комиксах. Многозначительные «мелочи», которые происходят в голубом доме и вокруг него, оказываются важны для героев. Дом, как якорек, помогающий человеку остаться уникальной личностью в стандартизированном мире. За книгу «Весенний сад» современная японская писательница Томока Сибасаки в 2014 году названа лауреатом Премии

имени Акутагавы — самой престижной литературной награды Японии. Читать эту книгу все равно что наблюдать цветение сакуры.

Сергей Симаков. Закат Европы и новая Россия. СПб.: Алетейя, 2018. — 92 с.

Так есть или нет закат Европы, о котором ровно век назад объявил Шпенглер? Сергей Симаков утверждает, что мы, не замечая того, присутствуем на похоронах западной христианской цивилизации, возникшей примерно полторы тысячи тому назад и доминировавшей во всем мире последние пятьдесят лет. Еще недавно благополучной Европе подражать стремились все другие страны и народы. Но ситуация меняется: в ЕЭС набирают силу центробежные тенденции («брэксит», Каталония). Причины заката, считает автор, отнюдь не экономические. Еще в Библии можно найти примеры того, как разлагались, затухали и гибли под напором внешних и внутренних врагов древние царства с высоким валовым доходом на душу населения. По мнению автора, экономика занимает в жизни общества не самое главное место. И приводит прогнозы начала XX века о будущности России, подтверждающие приоритет духовного над материальным. Оптимистический Д. Менделеева, опирающегося на национально-экономические показатели, и пессимистический Иоанна Кронштадтского. Исходя из морального состояния общества, тот предрекал: если и дальше грехи будут так же множиться в российском государстве, то запустеет царствие сие. Причина кризисных явлений в ЕЭС, по мнению автора, в отказе от своих корней, христианских, культурных, национальных, что фактически зафиксировано и в европейской конституции. И ссылается на основателя социальной психологии Г. Лебона: «Истинная причина великих потрясений, которые предшествуют смене цивилизаций, например, падению Римской империи и возвышению арабов, — есть кардинальное обновление образа мыслей... Все сколько-нибудь значительные исторические события — видимые результаты невидимых сдвигов в человеческом мышлении» (1896 год). Автор показывает, какую роль в изменении европейского сознания сыграли размывание христианских ценностей в эпохи Возрождения и Просвещения, протестантизм и либерализм. В XIX веке смыслом западной цивилизации стало построение либерального индустриально-технократического общества на основе развития товарно-денежных отношений. И построили, создали потребительский рай: постиндустриальное либеральное, мультикультурное, многоконфессиональное общество, единственная цель и идеология которого — максимально комфортный образ жизни. Вопросы о взаимоотноении с Богом, о душе, о смысле жизни были вытеснены рассуждениями о взаимном уважении отдельных личностей и целых культур друг к другу. А по сути — человек стал экономическим животным. Как остроумно замечает автор: для этого «нового» человека главное — борьба с лишним весом. И еще: «относительно нашего времени уже с уверенностью можно сказать, что общество направляется лишь одним животом, так как вместо ног все уже используют авто». На смену христианству во второй половине XX века, считает автор, пришло либеральное неоязычество. Как у всякой религии, у него есть свои боги, своя «святая троица»: Бог-отец — Деньги, Бог-сын — Прогресс, Бог-дух святой — наука. И даже свои соборы — торговые центры и пассажи. О месте и функциях этих «богов» в современном мире, о том, как они утверждались в ходе двух мировых войн, сметая империи, государства, рассказано подробно. Деньги правят в спорте, в культуре, в науке. Для С. Симакова, ученого, доктора геолого-минералогических наук, неприемлема формула науки XXI века: сколько дадите — на столько и познаем окружающую действительность. Он видит пагубность оценок научного вклада по количеству публикаций и их цитирования, присуждения премий в области

науки не за фундаментальные научные открытия, а за технологические разработки. Выводы неутешительны. Понижение культурного и интеллектуального уровня неизбежно ведет к регрессу. Помехой для «богов» становятся уже и бывшие «союзники», демократии. И, быть может, главное: мир не терпит пустоты, особенно в духовной области. Реакцией на западный «прогресс», на отказ от Бога, на погоню за золотым тельцом, на надругательства над природой человека стало сопротивление ислама «общечеловеческим ценностям», в том числе и терроризм. Доказательством усиления ислама служит и приток разноплеменных пришельцев в западный мир, и множющийся переход коренных жителей Европы, христиан, в ислам. Европа все делает для собственной мусульманизации. А что Россия? Разделит ли она судьбу европейских стран, или у нее свой собственный путь развития? С. Симаков рассматривает вопросы соотношения историй России и Европы, предлагает свой взгляд на историко-цивилизационное развитие России, резко оценивает современную политическую жизнь России. С исчезновением патриархального крестьянства Россия, считает он, перестала быть страной между землей и Богом и после периода атеистического социализма стала частью мультикультурного и многоконфессионального мира. Человеку нового типа, взращенному в СССР, в отличие от православного крестьянина XIX века, понятны и приемлемы прагматические ценности Запада; власть, опирающаяся на экономику в чистом виде; установки на потребление. Как итог: несмотря на сегодняшнюю пропаганду православия, ситуация в России весьма сходна с европейской. Европа мусульманизируется, Россия движется в Азию. В своем анализе автор опирается на Библию, на работы философов, политиков и историков, отечественных и зарубежных, прошлого и настоящего.

Божидар Езерник. Дикая Европа. Балканы глазами западных путешественников: Монография. Пер. со словен. Л. А. Кирилиной. — М.: Лингвистика, 2017. — 358 с.: ил.

Вплоть до XVIII века в Западной Европе довольно мало знали о Балканском полуострове, большая часть которого принадлежала Османской империи, путешествия туда происходили от случая к случаю. Прочь от «нетерпимого, беспокойного, торопливого мира западной цивилизации» к «мечтательному Востоку» европейские путешественники активно устремились в XIX веке. Романтиков манила дикая, не тронутая цивилизацией природа, встречи со свободолюбивыми народами, желание убедиться в справедливости слухов о волосатых рыбах, о женщинах с грудями до пупка, о хвостатых мужчинах. Сам К. Линней в своей классификации зафиксировал последних как отдельный вид — хвостатый сатир. Первоначальные сведения путешественники черпали в книгах, авторы которых зачастую «улучшали» факты и также основывались на вымыслах. А на деле встречались путешественники с плохими дорогами, с примитивными ночлежками, с непонятными обычаями. Приезжим балканцы казались грязными и неотесанными, а местные жители обижались, что на них смотрят как на дикарей. Зато жители Западной Европы могли убедиться, что сами они прогрессивные и цивилизованные. Хотя многое, в чем обвиняли западные европейцы жителей Балкан, не так давно было нормой у них самих. До XVI века они также подтирали носы руками и ели руками, лишь в XIX веке гигиена стала важным критерием оценки степени цивилизации. Европейские путешественники с ужасом рассказывали, как черногорцы отрубают головы врагам и выставляют их на обозрение, забыв, что еще недавно головы казненных демонстрировали и в просвещенной Европе. В книге словенского антрополога Божидара Езерника анализируется комплекс культурных и политических

стереотипов, сформировавшийся у западных европейцев по отношению к балканским странам как к «дикий», воинственной и нецивилизованной части Европы. В основе ее воспоминания западных путешественников, в том числе русских, писавших о Балканах в XIX — начале XX века (библиография — более 880 наименований). Автор рассказывает, как шло знакомство западноевропейцев с уголком Европы, чья география казалась слишком запутанной, этнография слишком неясной, а политика чересчур непонятной, как создавался образ народов, образ «другого», какое влияние на это оказывали европейские концепции разных времен, преобладавшие в то время вкусы. Круг тем: национальные и религиозные обычаи, быт, культура потребления пищи, отношения народов между собой, отношения женщин и мужчин, воспитание детей, самооценки балканцев. Автор показывает, что лежит в основе предрассудков и как, с какими целями они могут использоваться. Например, легенда о женщинах с длинными грудями (обитающих не только на Балканах, но и в Африке) идет от западных представлений о женской красоте: грудь должна быть маленькой и высокой. Для сербов байки о хвостатых албанцах стали доказательством неспособности «диких», «первобытных» албанцев к самоуправлению. Какие-то из мифов исчезли, какие-то до сих пор пересказывают экскурсоводы. Самый распространенный — оскверненные лики святых с выскобленными глазами на фресках сербских церквей: то ли турками, то ли албанцами, то ли коммунистами, в зависимости от периода, когда давались объяснения. Но есть и другая версия: распространенное суеверие, что порошок, соскобленный с фресок, — лучшее лекарство. По той же логике страдали от рук самих верующих, иногда и от рук православных священников, не только глаза, но и фаланги пальцев и другие части тела святых. Это не значит, пишет Б. Езерник, что мусульмане не наносили вреда христианским объектам, но такие поступки противоречили исламскому духу толерантности. Более того: мусульмане из суеверия боялись даже рубить деревья около церквей. Он не раз указывает на несправедливость обвинений в адрес турок, также получивших клеймо «дикого» народа. И даже знаменитый мост в городе Мостар (Босния и Герцеговина), построенный в 1566 году по проекту Мимара Хайреддина, европейцы приписали древним римлянам. В 1993 году мост признали турецкой постройкой, но в ходе войны его взорвали, дабы навсегда вычеркнуть неудобную память о мусульманском прошлом Герцеговины. Финал книги — путешествие по городам Балкан, большим и маленьким. Автор с огорчением отмечает, что молодые балканские государства, обретя независимость, первым же делом постарались избавиться от турецкого наследия в облике своих городов, и, уничтожая мечети и минареты, меняя планировку, утратили свой восточный облик, и, «устремившись к западной цивилизации, потеряли колорит, но сохранили захудалость и грязь». Б. Езерник не занимает чью-либо сторону в извечных балканских конфликтах, никого не оскорбляет, с осторожностью подходит к оценке противоречивых событий. Забавные, драматические, подчас шокирующие истории не затмевают масштабных вопросов. С конца XVIII века путешествия на Балканы совершались с целью изучить определенный регион с политической, экономической или военной точки зрения. Создание расовых стереотипов и представлений о дикарстве имели ключевое значение для колонизаторского мировоззрения, обосновывая правомочность «цивиловать» дикие народы. На примере Македонии, «яблока раздора» для стран, в конце XIX века претендующих стать Великой Грецией, Великой Болгарией, Великой Сербией, Великой Албанией и Великой Румынией, автор наглядно показывает, как в соответствии с политическими убеждениями могла меняться национальность отдельных людей или целых групп. Балканы и ныне являются настоящей мозаикой вер, народов, языков. «Мне кажется, что Запад в целом никогда не был готов видеть Балканы такими, какими они являлись в действитель-

ности», — пишет Б. Езерник и дает возможность увидеть Балканы глазами европейцев, и Балканы реальные.

Наталья Зайцева. Парики и мушки: XVII век (Серия «Из истории неувомимого»). СПб.: Творческая мастерская «Серебряные ряды», 2017. — 192 с.: ил.

Казалось бы, такие пустяки: парики, пудра для волос, украшения для причесок. Старинные рецепты изготовления косметических средств, окрашивания волос. Язык мушек: их размещение на лице, формы, размеры, искусство приклеить мушку. Милые подробности: гигиенические процедуры XVII века, купание Людовика XIV в ванне, публичное утреннее одевание Анны Австрийской, Людовика XIV и его жены Марии-Терезы, праздничные одежды этого короля, один день из его жизни. Знакомые персоны (кто ж не читал Дюма?): Людовики XIII и XIV, Анна Австрийская, Лавальер, самый экстравагантный мужчина своего времени — герцог Букингем... И удивительные красавицы, каждая из которых была страницей истории, вдохновительницей строительства дворцов и парков Версаля и, конечно, моды: племянницы кардинала Мазарини, сестры Манчини, Лавальер, Монтеспан, Ментенон. Имя одной из недолгих любовниц Людовика XIV, Анжелы де Фонтанж, получила прическа: «фонтанж» разных модификаций делали все женщины, от фрейлин двора до горничных. Судьбы, туалеты, прически, парики. Не только любовницы, но и знатные модники и модницы, сумасброды и сумасбродки становились законодателями мод. Парик каждой эпохи — от Людовика XIII до Людовика XVI — имел массу вариантов цвета, длины, объема и формы. Мода стремительно менялась, как женская, так и мужская. Какие факторы, как, в связи с какими историческими реалиями влияли на причуды моды, и рассказывает Наталья Зайцева. Старинный парик иногда весил несколько килограмм, в нем было жарко голове, в летнее время из-за этого случались головокружения и обмороки, в парике нередко заводились паразиты... Но их носили. Великая эпоха париков началась в 1629 году, когда тридцатилетний Людовик XIII почти полностью лишился своей шевелюры. «Большой стиль» начал утверждаться с 1658 года, когда после болезни волосы начал терять Людовик XIV. А можно ли представить себе короля с плешью на голове или жалкими остатками волос? Парик придавал величие, уничтожал возраст, создавал незабываемый образ монарха. Внешнее великолепие являлось не только капризом, но и политической программой по усмирению спесивой знати. Новая форма придворной жизни: череда праздников, прогулок, балетов — использовалась монархом как рычаг управления непокорным дворянством, как средство предотвратить заговоры. При королевском дворе совершилась «тихая революция»: превращение рыцарского сословия в придворное, появление светского общества и, наконец, рождение новой культурной модели. Первыми влиянию французов подверглись англичане, затем голландцы, к середине XVII века мода на парики охватила все население Европы, за исключением крестьян. Французская нация начинает осознавать свою исключительность, в парижском свете складывается концепция превосходства французов над другими национальностями. В XVII—XVIII веках изготовление париков превратилось в быстро развивающееся и прибыльное производство. Париков требовалось много. Парик был символом социальной принадлежности, и каждое сословие имело свою моду. Н. Зайцева подробно рассказывает, какие парики носили придворные, политики, финансисты, юристы, военные, врачи. Битва между сторонниками париков и их противниками разгорелась в церкви. В конце концов и у священнослужителей утвердился парик с тонзурой. Во второй половине XVII века расцвела индустрия

моды: производство париков, ювелирных изделий для украшения причесок и хранения мушек. Налаживается выпуск модных журналов, гравюр и манекенов — наряженных по последней моде кукол. Именно в эпоху Людовика XIII появился первый женский парикмахер, до этого, согласно церковным правилам, мужские руки не имели права прикасаться к головам женщин. Возникают новые профессии, королевскими указами регулируются взаимоотношения между врачами, цирюльниками-хирургами, банщиками, мастерами по парикам, и — устанавливаются правила взимания налогов. Н. Зайцева создает галерею портретов мастеров, чье искусство делать прически покоряло дам, рассказывает о тонкостях профессий, воссоздает старинные технологии. Этот век хотел нравиться, пишет она и приводит выдержки из пособий того времени по правилам хорошего тона. XVII век породил Галантную эпоху, когда ценились умение общаться, вести приятные беседы, модно одеваться, опрятность. Именно Франции XVII века, полагает автор, обязана европейская цивилизация новым стилем отношений мужчины и женщины: не столько физиологическое наслаждение, но медленное развитие отношений, игра, кокетство, искусство обольщения. Но под влиянием растущей утонченности феминизации мужчин не происходило: мужская рука, утопающая в кружевах, по-прежнему крепко держала шпагу. Мужчины и женщины сохраняли свою половую принадлежность. Именно во Франции в XVII веке, констатирует автор, была создана новая эстетика, которая, перешагнув границы, охватила всю Европу. В начале XVIII века она дошла до далекой России, воцарилась в искусстве, философии, этикете почти на два века, ее отголоски слышны в наше время. Н. Зайцева уверена, что история прически и костюма так же важна для понимания эпохи, как история искусства или политическая история. В своей книге она по крупницам восстанавливает ежедневный быт аристократии эпохи Людовиков XIII и XIV: по редким французским изданиям, гравюрам и карикатурам XVII века. Множество иллюстраций, вставки из мемуаров и писем погружают читателя в атмосферу изящного и галантного XVII века. Многие материалы впервые вводятся в научный оборот.

Публикация подготовлена
Еленой ЗИНОВЬЕВОЙ

Редакция благодарит за предоставленные книги
Книжную Лавку Писателей
(Санкт-Петербург. Невский пр., 66, т. (812) 640-44-06,
www.lavkapisateley.spb.ru)